

Михаил Петрович Арцыбашев

Жгучий вопрос

Михаил Арцыбашев

Жгучий вопрос

«Public Domain»

1927

Арцыбашев М. П.

Жгучий вопрос / М. П. Арцыбашев — «Public Domain»,
1927

«Каждую весну настроение подымается и растут самые фантастические слухи. Каждую осень настроение падает и начинается общее нытье: «Стоит ли надеяться и ждать, не лучше ли махнуть на все рукой и возвращаться на родину?» А так как «довлеет дневи злоба его», то все газеты немедленно начинают по этому поводу оживленную дискуссию...»

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Михаил Петрович Арцыбашев

Жгучий вопрос

1

Каждую весну настроение подымается и растут самые фантастические слухи. Каждую осень настроение падает и начинается общее нытье:

«Стоит ли надеяться и ждать, не лучше ли махнуть на все рукой и возвращаться на родину?»

А так как «довлеет дневи злоба его», то все газеты немедленно начинают по этому поводу оживленную дискуссию.

Нынешняя осень – потому ли, что она уже восьмая по счету, или потому, что она связана с явным крушением некоей грандиозной затеи, на которую многие возлагали большие надежды, – особенно обильна рассуждениями на тему: приемлемо ли с принципиальной точки зрения возвращение в советскую Россию или неприемлемо?

Случайность это или нет, но особое внимание этой теме уделяют газеты именно того лагеря, который не слишком благополучен по части непримиримости.

В «Воле России», руководимой В. Черновым¹, недавно появилась преогромная статья г. Пешехонова², того самого, который когда-то писал, что он «очень гордится своим советским паспортом». Пешехонова немедленно подхватили многие из тех, кого я окрестил «ультрафиолетовыми», а эсеровские «Дни» присосались к этой теме так жадно, что вот уже, кажется, третью неделю не могут от нее оторваться. А в заключение выступил М. Осоргин³, который заявил о своем полнейшем «созвучии» с г. Пешехоновым и, со свойственным ему ерничеством, ехидно смеется и над непримиримостью, и над ссылками на Герцена, и над «пафосом» не желающих вернуться в Совдепию.

¹ в «Воле России», руководимой В. Черновым... – «Воля России» (1922–1932) – сперва газета, затем журнал левых эсеров-эмигрантов в Праге; издавался при участии видного деятеля эсеровской партии Виктора Михайловича Чернова (1873–1952).

² ...статья г. Пешехонова – Александр Васильевич Пешехонов (1867–1933) – один из вождей партии народных социалистов, публицист. Арцыбашев, очевидно, имеет в виду статью Пешехонова «Родина и эмиграция» («Воля России», 1925, № 7-11), вызвавшую разноречивые отклики эмигрантской прессы.

³ ...выступил М. Осоргин. – Михаил Андреевич Осоргин (наст. фам. – Ильин; 1878–1942) – выдающийся прозаик и публицист Серебряного века и русского зарубежья.

2

Я долго молчал, наблюдая всю эту суету. Молчал потому, что для меня лично вопроса о возвращении в советскую Россию просто не существует. Молчал бы и дальше, если бы, как то и следовало ожидать, все эти толки не вызвали в измученной, исстрадавшейся эмигрантской массе известного движения и ко мне не посыпались письма читателей все с тем же «жгучим вопросом»: можно ли еще чего-нибудь ждать и не является ли дальнейшее упорство бессмысленным?

А так как я давно сказал, что пишу не для руководящих верхушек, а именно для читательской массы, то на ее вопросы я должен ответить. Но прежде считаю не лишним сказать несколько слов о том источнике, из которого и пошла струя «возвращенческого движения». И со свойственной мне откровенностью скажу прямо, что источник этот кажется мне довольно мутным.

И статья Пешехонова, и двусмысленная позиция «Дней», и ерничество Осоргина – все это одним миром мазано. Я не хочу сказать, будто все эти господа работают заодно с пресловутым «Парижским вестником», как известно, издаваемым большевиками специально на предмет «ловли воблы в Белом море».

Нет, этим господам просто нужна острая тема, а им легче говорить о возвращении в пределы ГПУ, чем нам, для которых такое возвращение совершенно равносильно савинковскому прыжку из пятого этажа. Поэтому они праздно болтают на тему, которая интересна именно благодаря ее исключительной болезненности.

Но объективно – сознательно или бессознательно, по душевной подлости или по глупости – они продолжают ту же работу, которую уже давно делают большевики вообще и «Парижский вестник» в частности.

3

На первом месте, конечно, надо поставить г. Пешехонова. Этот человек действительно не лишен таланта и умеет задевать самые больные струны. Центральным местом его статьи, настроение которой «Дни» правильно формулировали так – «хочу на родину при всех условиях», – является весьма поэтическая легенда.

Один половецкий князь попал в плен к русским, обжился у них, женился, занял важный пост и забыл о родных степях. Неизвестно почему, но половецкий хан решил этого ренегата вернуть на родину и послал к нему гонца, которому дал такой приказ: если не подействуют уговоры, спой ему наши песни; если и песни не подействуют, – дай ему понюхать вот эту былинку!

Конец виден по началу: выслушав посла – князь задумался, прослушав песню – прослезился, а понюхав былинку – бросил «все свое богатство», как говорится в сказках, и вернулся на родину.

У Пешехонова эта легенда рассказана много поэтичнее, чем у меня, но это произошло потому, что с разным чувством мы ее рассказывали. Пешехонову нужно было кольнуть в кровоточащую ранку тоски по родине, и он, конечно, вложил в легенду весь свой пафос. Мне же этого совсем не нужно, а потому трогательная легенда, совершенно не к месту приведенная Пешехоновым, не растрогала, а только раздражила меня. Нет ничего ужаснее, как использование святого чувства в непотребном месте. И я прямо обвиняю г. Пешехонова в том, что он сознательно спекулирует на чувстве тоски по родине для того, чтобы достигнуть цели, ничего общего с родиной не имеющей.

4

Да, я прекрасно понимаю, что сухие уговоры не должны были подействовать на ренегата, что родная песня должна была заставить его плакать, а запах родимых полей перевернул всю его жизнь.

Но, прежде всего, ведь мы же не ренегаты? Разве мы забыли о родине, разве мы и без песен и без запахов не плачем о ней кровавыми слезами? Где наше «богачество», какими благами окружены мы на чужбине? При чем же тут половецкий князь? Ведь половецкий князь жил на чужбине, а на родине у этого половецкого князя все оставалось по-прежнему: звучали те же песни, так же пахла горькая полынь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.